

Артур Конан Дойль

Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона

Внезапное исчезновение «Сильвер-Блэза»

— Боюсь, что мне придется ехать, Ватсон, — сказал Холмс в одно прекрасное утро, когда мы сели за завтрак.

— Ехать? Куда?

— В Дартмур, в Кингс-Пайлэнд.

Я несколько не удивился. Напротив, меня все время удивляло, что он не принимал участие в этом необыкновенном деле, о котором говорила из конца в конец вся Англия. Целый день накануне мой приятель бродил по комнате из угла в угол, с опущенной на грудь головой, с нахмуренными бровями, не обращая ни малейшего внимания на мои вопросы и замечание и поминутно набивая трубку крепчайшим черным табаком. Он наскоро проглядывал присылаемые ему газеты и тотчас же бросал их в угол. Несмотря на его молчание, я очень хорошо понимал, о чем он думал. Только одно дело в настоящее время могло привлечь к себе его внимание и вызвать к деятельности его способность к анализу — это странное исчезновение фаворита на первый приз «Сильвера-Блэза» в Уэлексе и трагическое убийство его тренера. Поэтому, когда он внезапно заговорил о поездке на место происшествия, я услышал только то, чего ожидал и на что надеялся.

— Я был бы очень рад поехать с вами, если только я не помешаю, — сказал я.

— Вы сделаете мне величайшее одолжение, если поедете со мной, Ватсон. И я думаю, что не пожалеете, так как некоторые обстоятельства заставляют предполагать, что этот случай — единственный в своем роде. Я думаю, мы успеем попасть на поезд в Паддингтоне, а дорогой я подробно расскажу вам все. Сделайте одолжение, захватите с собой ваш превосходный бинокль.

Таким образом, приблизительно через час я сидел в уголку купе первого класса поезда мчавшегося в Житеру, а Шерлок Холмс, пронизательное лицо которого с резкими чертами обрамлялось дорожной шапкой с наушниками, поспешно принялся пробежать купленные им в Паддингтоне газеты. Мы уже проехали Ридинг, прежде чем он бросил под диван последний газетный лист и протянул мне портсигар.

— Хорошо едем, — сказал он, выглянув в окно и затем поглядев на часы. — Делаем по пятьдесят три с половиной мили в час.

— Я не считал столбов, на которых указаны мили.

— И я также. Но на этой линии телеграфные столбы расставлены на расстоянии шестидесяти ярдов, и потому очень легко сделать вычисление. Вы, вероятно, уже знакомы с делом об убийстве Джона Стрэкера и исчезновении «Сильвера-Блэза»?

— Я читал сообщение газет «Telegraph» и «Chronicle».

— Это одно из тех дел, в котором надо приложить все искусство скорее на выяснение подробностей, чем на добывание новых улик. Дело это настолько трагично, необыкновенно, имеет такое важное значение для многих, что прямо не обобратся всевозможных предположений, догадок и гипотез. Затруднение состоит в том, чтобы отделить самый остов факта — несомненного, неопровержимого факта — от измышлений теоретиков и репортеров. Затем, когда мы утвердимся на прочном основании, то должны будем подумать, какие могут быть выведены заключения, и установить главные пункты, на которых зиждется вся тайна. Во вторник вечером я получил телеграммы от полковника Росса, владельца лошади, и от полицейского инспектора Грегори, который ведет следствие по этому делу. Оба они просят меня принять участие в нем.

— Вы получили телеграмму во вторник вечером, а едете только в четверг утром? — вскрикнул я. — Почему же вы не поехали вчера?

— Потому что сделал ошибку, дорогой Ватсон, а это, как кажется, случается со мной

чаще, чем могут думать те, кто знает меня только по вашим запискам. Дело в том, что я никак не мог себе представить, чтобы можно было скрыть надолго самую замечательную лошадь в Англии, в особенности в такой слабо населенной местности, как северная часть Дартмура. Вчера я с часу на час ожидал известия, что лошадь найдена и похититель ее, в то же время и убийца Джона Стрэкера. Но когда на следующее утро я узнал, что ничего не сделано, за исключением ареста молодого Фицроя Симпсона, я почувствовал, что мне пора приняться за это дело. Но все же я не потерял даром вчерашнего дня.

— Вы уже составили себе определенное мнение об этом происшествии?

— По крайней мере, я ознакомился с главными фактами. Я перечислю их вам, так как ничто так не уясняет дела, как объяснение его другому лицу, да и вы скорее можете помочь мне, когда я покажу вам исходную точку.

Я откинулся на подушки и закурил сигару, а Холмс, водя длинным указательным пальцем по ладони левой руки, принялся описывать события, послужившие поводом к нашему путешествию.

— «Сильвер-Блэз», — начал он, — потомок «Айсономи» и обладает такими же блестящими качествами, как и его предок. Теперь ему пятый год и он брал поочередно все призы своему счастливому обладателю, полковнику Россу. До катастрофы он считался первым фаворитом на Улэкский приз, и пари шло три на один. Он всегда был фаворитом скаковой публики, ожиданий которой никогда не обманывал, и потому на него постоянно ставились огромные суммы. Понятно поэтому, что было много людей, в интересе которых было не допустить появление «Сильвер-Блэза» у флага в будущий вторник.

Само собой, с этим фактом считались в Кингс-Пайлэнде, где находятся скаковые конюшни полковника Росса. Были приняты все предосторожности к охране фаворита. Тренер Джон Стрэкер — бывший жокей, скакавший в цветах полковника Росса, пока не стал слишком тяжелым для положенного веса. Он служил у полковника пять лет жокеем и семь лет тренером и зарекомендовал себя усердным и честным слугой. У него под начальством три конюха; конюшня небольшая, только четыре лошади. Один из них дежурил по ночам в конюшне, а другие спят на сеновале. Все трое — славные, надежные парни. Джон Стрэкер, человек женатый, жил в небольшом домике, ярдах в двухстах от конюшни. У него не было детей, он держал одну прислугу и пользовался известным комфортом. Местность кругом уединенная, но приблизительно в полумиле, к северу, находится несколько вилл, выстроенных каким-то подрядчиком из Тэвистока для больных и для желающих пользоваться чистым дартмурским воздухом. Сам Тэвисток лежит на две мили к западу, а по другую сторону болота, также в двух милях, находятся большие кэпльтонские конюшни, принадлежащие лорду Бэкуотэру и управляемые Сайлэсом Броуном. За этими исключениями местность совершенно пустынна; по временам в ней встречаются только бродячие цыгане. Таково было положение дел до катастрофы, происшедшей в понедельник ночью.

В этот вечер, в девять часов, лошадей, как всегда, заперли в стойле после обычной поездки и водопоя. Двое из конюхов пошли ужинать на кухне у тренера, а третий, Нед Гёнтер, остался дежурить на конюшне. Несколько минут спустя служанка, Эдита Бэкстер, принесла ему ужин — тушеную баранину с приправой из перца. Она не взяла с собой никакого питья, так как в конюшне стоит бочка с водой, а дежурному не полагается пить чего-либо другого. Девушка шла с фонарем, так как было очень темно, а тропинка идет по топкому месту.

Эдита Бэкстер была в ярдах тридцати от конюшни, когда из окружавшей ее темноты внезапно появился какой-то человек и приказал ей остановиться. Когда он вступил в круг желтого света, бросаемого фонарем, девушка увидела перед собой человека, с виду джентльмэна, в сером триковом костюме и в суконной шапочке. На ногах у него были гамаша, а в руках палка с тяжелым набалдашником. Смертельная бледность его лица и нервные манеры поразили Эдиту. На вид он ей показался скорее старше, чем моложе, тридцати лет.

— Можете вы сказать мне, где я нахожусь? — спросил он. — Я уже думал, что мне

придется ночевать в болоте, когда вдруг увидел свет вашего фонаря.

— Вы около кингс-пайлэндских конюшен, — ответила она.

— В самом деле! Вот так удача! — вскрикнул незнакомец. — Я слышал, что там каждую ночь дежурит один из конюхов. Вероятно, вы несете ему ужин. Ну, я думаю, вы не откажетесь заработать себе на новое платье, не правда ли?

Он вынул из кармана жилета сложенный лист белой бумаги.

— Постарайтесь передать это конюху сегодня же, и у вас будет самое красивое платье, какое только можно приобрести за деньги.

Его мрачный вид испугал девушку, и она пробежала мимо него к окну, через которое подавала обыкновенно ужин. Окно было уже открыто, и Гёнттер сидел в конюшне за маленьким столом. Она только что начала рассказывать о том, что случилось с ней, как незнакомец тоже подошел к окну и заглянул в него.

— Добрый вечер, — сказал он, — мне надо поговорить с вами.

Девушка клянется, что видела уголок бумажки, сжатой в его руке, когда он говорил эти слова.

— Что вам тут надо? — спросил конюх.

— Надо кое-что выгодное для вашего кармана, — ответил незнакомец. — У вас две лошади на Уэлекский приз — «Сильвер-Блэз» и «Баярд». Сообщите верные сведения о них и не останетесь в накладе. Правда ли, что при взвешивании «Баярд» может дать другому сто ярдов на две с половиной мили и что конюшня ставит на него?

— Ах, так вы один из этих проклятых шпионов! — крикнул конюх. — Я сейчас покажу вам, как мы угощаем их в Кингс-Пайлэнде!

Он вскочил с места и бросился на другой конец конюшни, чтобы спустить собаку. Девушка побежала к дому, но на бегу обернулась и увидела, что незнакомец просунулся в окно. Однако, когда Гёнттер, минуту спустя, выбежал с собакой, незнакомец исчез, и как ни искал конюх, он не мог найти и следа его.

— Одну минуту! — перебил я Холмса. — Конюх не запер за собой двери, выбежав с собакой из конюшни?

— Превосходно, Ватсон, превосходно! — проговорил мой приятель. — Я сразу обратил внимание на это важное обстоятельство и вчера же послал в Дартмур специальную телеграмму для разъяснения этого вопроса. Конюх запер дверь, выйдя из конюшни. Окно же недостаточно велико для того, чтобы через него мог пролезть человек.

Гёнттер дождался возвращения своих товарищей и тогда послал сказать тренеру о случившемся. Стрэкер взволновался, получив это известие, хотя, кажется, не вполне понял его истинное значение. Однако, им овладело смутное беспокойство, и м-с Стрэкер, проснувшись в час ночи, увидела, что он одевается. На ее вопрос он ответил, что не может спать, так как тревожится о лошадях и хочет пройти в конюшню, чтобы узнать, все ли там благополучно. Миссис Стрэкер уговаривала его остаться, так как дождь стучал в окна, но он все-таки ушел, надев непромокаемый плащ.

Миссис Стрэкер проснулась в семь часов утра и увидела, что муж ее не возвращался. Она поспешно оделась, позвала служанку и пошла в конюшню. Дверь была отперта. Гёнттер, скорчившись, сидел на стуле в каком-то оцепенении, стойло фаворита было пусто, а тренера и следа не было.

Поспешно разбудили двух конюхов, спавших на сеновале. Оба они ничего не слышали ночью, так как спали очень крепко. Гёнттер, очевидно, был под влиянием какого-то усыпительного снадобья, и от него нельзя было ничего добиться, а потому его оставили высыпаться, пока два других конюха и обе женщины принялись разыскивать тренера. Они все еще надеялись, что тренер взял лошадь для утренней поездки, но, взойдя на пригорок вблизи дома, с которого была видна вся окрестность, они не только не увидели фаворита, но заметили кое-что, указывавшее, что тут произошло нечто трагическое.

В четверти мили от конюшни на терновом кусте болтался плащ Джона Стрэкера. Как раз за этим кустом, в болоте было воронкообразное углубление, на дне которого нашли тело

несчастливого тренера. Голова у него была размозжена каким-то тяжелым орудием, а на бедре виднелась резаная рана, нанесенная, очевидно, каким-то очень острым инструментом. Было ясно, что Стрэкер энергично отбивался от напавших на него людей, так как в правой руке он держал маленький нож, весь в крови по рукоятку, а левой сжимал красный с черным шелковый галстук, который, как показала служанка, был надет на незнакомце, приходившем в конюшню накануне вечером.

Когда Гёнтер вышел из оцепенения, он сразу указал владельца галстука, Он говорил также, что убежден в том, что незнакомец подсыпал какого-то снадобья в баранину в то мгновение, когда просунулся в окно, и таким образом лишил конюшню сторожа.

Что касается до пропавшей лошади, то многочисленные следы в грязи, которой было покрыто дно роковой впадины, указывали на то, что она была тут во время борьбы. Но затем она пропала и, несмотря на обещанную большую награду и на то, что все находившиеся вблизи цыгане приняли горячее участие в поисках, о ней нет ни слуху, ни духу. Анализ остатков ужина конюха показал присутствие в них значительной доли опиума, между тем как вся прислуга в доме ела то же блюдо безнаказанно.

Таковы главные факты дела, изложенные без примеси каких бы то ни было предположений. Теперь я расскажу, что сделано полицией.

Инспектор Грегори, которому поручено следствие, человек очень знающий. Будь он одарен даром воображения, он, несомненно, достиг бы значительного совершенства в своей профессии. По приезде на место происшествия, он немедленно арестовал человека, на которого естественно падало подозрение. Найти его было очень нетрудно, так как он хорошо известен в околотеке. Оказывается, это некто Фицрой Симпсон. Он человек хорошего происхождения и воспитания, но истратил свое состояние на скачках и живет теперь тихо, занимаясь букмекерством в спортивных лондонских клубах. При осмотре его записной книжки оказалось, что им поставлено около пяти тысяч против фаворита.

Когда его арестовали, он показал, что приехал в Дартмур, надеясь получить некоторые сведения о кингс-пайлэндской конюшне, а также о «Десборо», втором фаворите, находящемся на попечении Сайлэса Броуна. Он не отрицал своего образа действий в предыдущий вечер, но объявил, что не имел никаких преступных замыслов и просто желал получить сведения из первых рук. Когда ему показали галстук, он сильно побледнел и совершенно не мог объяснить, каким образом он очутился в руках убитого. Его мокрая одежда указывала, что он был под дождем в предыдущую ночь, а палка с тяжелым свинцовым набалдашником могла быть именно тем орудием, от нескольких ударов которого последовала смерть тренера.

С другой стороны, у него не обнаружено ни малейшего поранения, между тем как окровавленный нож Стрэкера указывает, что, по крайней мере, один из нападавших должен быть поранен им.

Вот и вся история, Ватсон, и если вам удастся пролить какой либо свет на это дело, буду бесконечно обязан вам.

Я с величайшим вниманием слушал изложение Холмса, отличавшееся свойственной ему ясностью. Хотя большинство фактов и было известно мне, но я недостаточно оценил их относительную важность и связь между собой.

— Не возможно ли предположить, что Стрэкер сам нанес себе рану во время судорожных движений, обыкновенно являющихся следствием повреждение мозга? — заметил я.

— Не только возможно, но даже вполне вероятно, — сказал Холмс. — В таком случае исчезает одно из главных обстоятельств, говорящих в пользу обвиняемого.

— И все же я никак не могу понять, какую гипотезу могла построить полиция.

— В том и дело, что против всякой предложенной нами гипотезы могут найтись серьезные возражения, — сказал Холмс. — Насколько я понимаю, полиция предполагает, что Фицрой Симпсон, опоив конюха и добыв каким-нибудь образом второй ключ от конюшни, отпер ее и вывел лошадь, очевидно, желая украсть ее. Не находят уздечки;

вероятно, Симпсон надел ее на лошадь. Затем, оставив конюшню отпертой, он повел «Сильвер-Блэза» по болоту, где тренер встретил или догнал его. Понятно, последовала борьба. Симпсон ударил тренера по голове своей тяжелой палкой, а тот, защищаясь, не смог нанести ему раны своим маленьким ножом. Тогда вор или увел с собой лошадь в какое-нибудь потайное место, или она вырвалась от него во время борьбы и блуждает теперь где-нибудь по болоту. Так представляется это дело полиции, и, как ни невероятно это объяснение, всякое другое еще менее вероятно. Но я быстро пойму суть дела на месте преступления, а теперь, право, не знаю, что и предпринять.

Был уже вечер, когда мы подъехали к маленькому городу Тэвистоку, лежащему среди огромного Дартмурского округа. На станции нас ожидали два господина: один высокий, блондин, с бородой и волосами, напоминавшими львиную гриву, с замечательно пронизательными светло-голубыми глазами; другой — маленький, подвижной человек, с подстриженными бакенбардами, с моноклем в глазу, очень чисто и аккуратно одетый, в сюртуке и гетрах. Последний был полковник Росс, известный спортсмен; первый — инспектор Грегори, человек, быстро составивший себе репутацию искусного полицейского следователя.

— Я в восторге, что вы приехали, м-р Холмс, — сказал полковник. — Инспектор сделал все, что было возможно, но я намереваюсь не оставить ни одного камня на месте, пока не отомщу за бедного Стрэкера и не верну своей лошади.

— Не открылось ли чего-нибудь нового? — спросил Холмс.

— К сожалению, должен сказать, что мы мало подвинулись вперед, — ответил инспектор. — У нас здесь экипаж, и так как вы, наверно, пожелаете засветло осмотреть место происшествия, то мы можем переговорить обо всем во время езды.

Минуту спустя, мы все сидели в покойном ландо и ехали по неровной мостовой оригинального старинного девонширского городка. Инспектор Грегори с увлечением рассказывал дело и изливал целый поток замечаний, в который Холмс вставлял и, когда вопрос или восклицание. Полковник Росс откинулся на подушки, сложив руки на груди и надвинув шляпу на лоб, а я с интересом прислушивался к разговору. Грегори развивал свою теорию, которая оказалась почти совершенно тождественной с тем, что предсказывал Холмс.

— Сеть вокруг Фицроя затянута довольно плотно, — заметил он. — Я сам думаю, что он тот, кого мы ищем. Но в то же время, я признаю, что все это чисто внешние улики, которые могут быть опровергнуты какой-нибудь новой подробностью.

— Ну, а как насчет ножа Стрэкера?

— Мы пришли к убеждению, что он ранил себя сам при падении.

— Мой друг, д-р Ватсон, высказал мне дорогой то же предположение. Если это верно, то послужит во вред Симпсону.

— Несомненно. У него нет ни ножа, ни царапины. Улики против него действительно сильные. Исчезновение фаворита имело для него большое значение; его подозревают в отравлении конюха; он, без сомнения, был под дождем; в руках у него была тяжелая палка, а галстук его нашли в руке убитого. Я думаю, что всего этого достаточно, чтобы привести его на скамью подсудимых.

Холмс покачал головой.

— Хороший защитник разобьет в прах все эти обвинения, — сказал он — зачем ему было уводить лошадь из конюшни? Он мог бы искалечить ее и там, если бы хотел. Нашли у него подделанный ключ? Кто продал ему опиум? А главное, как и куда мог он — чужой в этой местности — спрятать лошадь, да еще такую? Что он говорит насчет бумаги, которую он просил служанку передать конюху?

— Он говорит, что это была десятифунтовая бумажка. Одну такую бумажку нашли у него в кошельке. Но все другие высказанные вами затруднение совсем не так страшны, как кажутся. Он вовсе не чужой в этой местности... Он жил в Тэвистоке два раза летом. Опиум он, вероятно, привез из Лондона. Ключ, наверно, забросил после того, как употребил его в дело. Лошадь, может быть, лежит на дне какой-нибудь шахты или заброшенного рудника.

— Что он говорит о галстук?

— Он признает его своим и уверяет, что потерял его. Но в деле обнаружилось новое обстоятельство, которое может объяснить, почему он увел лошадь.

Холмс насторожил уши.

— Мы нашли следы, указывающие, что шайка цыган останавливалась в понедельник ночью в миле от места, где совершилось убийство. Во вторник они ушли. Если предположить, что между Симпсоном и цыганами существовало соглашение, то не мог ли он, когда его нагнали, вести лошадь к ним, и не находится ли она теперь у них?

— Конечно, это возможно.

— Цыган разыскивают в болоте. Я также осмотрел все конюшни и пристройки в Тэвистокке и на десять миль кругом.

— Кажется, вблизи есть еще скаковая конюшня?

— Да, и это факт, которым не следует пренебрегать. Лошадь этой конюшни, «Десборо», была вторым фаворитом, и потому исчезновение первого — в их интересах. Известно, что у Сайлэса Броуна, тренера, записаны большие пари, и он не был другом бедного Стрэкера. Однако мы осмотрели эти конюшни и не нашли ничего подозрительного.

— И ничего, что могло бы указывать на то, что Симпсон связан какими либо интересами с конюшней Кэпльтона?

— Ровно ничего.

Холмс откинулся на спинку коляски, и разговор прекратился. Несколько минут спустя, наш экипаж остановился у хорошенькой виллы из красного кирпича, увитой плющем и стоявшей у самой дороги. На некотором расстоянии от нее виднелась длинная постройка, крытая серой черепицей. Во всех других направлениях тянулась извилистая болотистая равнина, вся бронзовая от увядающих папоротников, сливавшаяся в дали с горизонтом и прерываемая только колокольнями Тэвистока да группой построек на заводе — кэпльтонскими конюшнями. Мы все выскочили из коляски, за исключением Холмса. Он продолжал сидеть по прежнему, откинувшись на подушки и устремив глаза на небо, очевидно, весь погруженный в свои мысли. Он сильно вздрогнул, когда я дотронулся до его руки, и вышел из экипажа.

— Извините меня, — проговорил он, обращаясь к полковнику Россу, с удивлением смотревшему на него. — Я грезил наяву.

По блеску его глаз и по сдержанному волнению, я, привыкший к нему, убедился, что он напал на след, хотя никак не мог догадаться, как он мог найти его.

— Может быть, вы желаете сейчас же пойти на место преступления, м-р Холмс? — сказал Грегори.

— Я думаю, лучше остаться здесь и расспросить о некоторых подробностях. Я предполагаю, что Стрэкера принесли сюда?

— Да, он лежит наверху. Осмотр тела назначен на завтра.

— Он и служил у вас несколько лет, полковник?

— И был отличным слугой.

— Предполагаю, что вы осмотрели его карманы, инспектор?

— Все вещи в гостиной. Если желаете, можете взглянуть на них.

— С удовольствием.

Мы все перешли в гостиную и сели вокруг стола, стоявшего посредине комнаты. Инспектор отпер четырехугольный жестяной ящик и выложил перед нами небольшую кучу вещей. Тут была коробка спичек, двухдюймовый огарок сальной свечи, трубка, кожаный мешочек с пол-унцией табаку, серебряные часы с золотой цепочкой, пять золотых соверенов, алюминиевый карандаш, несколько бумаг и ножик с ручкой из слоновой кости, с очень тонким негнувшимся лезвием и со штемпелем «Вейсс и К^о, Лондон».

— Очень странный нож, — сказал Холмс, взяв его в руки и внимательно оглядев его. — по тому, что я вижу на нем пятна крови, я предполагаю, что это тот самый нож, который нашли в руке покойного. Ватсон, этот нож, наверно, по вашей части.

— Это нож для снятия катарактов, — ответил я.

— Я так и думал. Очень тонкое лезвие, предназначенное для очень тонкой работы. Странно было брать с собою такую вещь, предполагая, что угрожает опасность, тем более, что нож не закрывается.

— На кончик надевался наконечник из пробки, который мы нашли рядом с трупом, — сказал инспектор, — жена Стрэкера говорит, что нож лежал на туалетном столе несколько дней, и что он взял его уходя из комнаты. Это плохое оружие, но, может быть, у него не было лучшего под рукой.

— Очень возможно. А это что за бумаги?

— Три счета, подписанные торговцами сеном. Письмо от полковника Росса с приказаниями. Счет на тридцать семь фунтов пятнадцать шиллингов от портнихи, г-жи Лезюрье, из Бондстрита, на имя Вильяма Дэрбишайра. М-с Стрэкер говорит, что Дэрбишайр — друг ее мужа и письмо на его имя иногда адресовались сюда.

— Madame Дэрбишайр, должно быть, особа несколько расточительная, — заметил Холмс, просматривая счет. — Двадцать две гинеи за костюм — это дороговато. Кажется, здесь нам не узнать ничего более, и потому отправимся на место преступления.

Когда мы вышли из гостиной, в коридоре к инспектору подошла какая-то женщина и дотронулась до его рукава. На ее бледном, худом, взволнованном лице лежал отпечаток только что пережитого ужаса.

— Поймали вы их? Нашли их? — задыхаясь, проговорила она.

— Нет, м-с Стрэкер; но вот м-р Холмс. Он приехал из Лондона, чтобы помочь нам, и мы сделаем все, что возможно.

— А мы с вами встречались недавно в Плимуте, на гулянье в саду, м-с Стрэкер, — сказал Холмс.

— Нет, сэр, вы ошибаетесь.

— Неужели? А я-то был готов поклясться, что это вы. На вас был туалет из шелковой материи сизого цвета, отделанный белыми страусовыми перьями.

— У меня никогда не было такого туалета, — ответила м-с Стрэкер.

— А! Так, значит, я ошибся.

Он извинился и вышел из дома вслед за инспектором.

Короткий переход по болоту привел нас к яме, где было найдено тело. На краю ее стоял терновый куст, на котором висел плащ.

— Ведь в эту ночь не было ветра! — сказал Холмс.

— Ни малейшего; но шел очень сильный дождь.

— В таком случае, плащ не мог быть отнесен на кусты ветром, но был повешен на них.

— Да, он был положен на куст.

— Это чрезвычайно интересно. Я вижу, что земля кругом сильно притоптана. Без сомнения, много ног прошло здесь с ночи понедельника.

— Здесь, в стороне, была положена рогожка, и мы все стояли на ней.

— Превосходно.

— Вот тут у меня в мешке один сапог Стрэкера, башмак Фицроя Симпсона и стальная подкова «Сильвер-Блэза».

— Дорогой инспектор, вы превзошли себя!

Холмс взял мешок и, спустившись в яму, передвинул рогожу ближе к центру. Затем он лег плашмя и, опершись подбородком на руку, принялся внимательно рассматривать притоптанную грязь.

— Ого, это что? — внезапно сказал он.

Это была полусгоревшая восковая спичка, настолько покрытая грязью, что, с первого взгляда, походила на щепку.

— Не понимаю, как я просмотрел ее, — проговорил инспектор с недовольным видом.

— Ее не было видно в грязи. Я нашел только потому, что искал ее.

— Как! Вы рассчитывали найти ее?

— Считал это довольно вероятным.

Он вынул из мешка сапоги и сличил следы каждого из них со следами в грязи. Потом он вылез из ямы и принялся шарить в папоротниках и кустах.

— Мне кажется, нет более следов, — сказал инспектор. — Я очень тщательно исследовал почву на сто ярдов по всем направлениям.

— В самом деле! — сказал Холмс, вставая с колен. — Не буду настолько невежлив, чтобы снова сделать это после вашего заявления. Но мне хотелось бы пройти по болоту, пока не стемнело, чтобы к завтра иметь полное понятие о местности, а эту подкову я возьму себе в карман на счастье.

Полковник Росс, выказывавший признаки некоторого нетерпения при виде спокойного, систематического исследование моего приятеля, взглянул на часы.

— Пойдемте со мной, инспектор, — сказал он, — я должен посоветоваться с вами о многом и особенно о том, не обязаны ли мы перед публикой снять имя нашей лошади с записи на приз.

— Ни в каком случае, — решительно сказал Холмс. — На вашем месте я оставил бы имя лошади.

Полковник поклонился.

— Очень рад слышать ваше мнение, сэр, — сказал он. — Когда вы окончите свою прогулку, вы найдете нас в доме бедняги Стрэкера, и тогда мы поедем все вместе в Тэвисток.

Он ушел с инспектором, а Холмс и я медленно пошли по болоту. Солнце садилось за конюшнями Кэпльтона, и громадная, покатая равнина перед нами отливала золотом, переходившим в роскошный красно-бурый оттенок в тех местах, где вечерние лучи падали на папоротники и терновые кусты. Но красота пейзажа не производила ни малейшего впечатления на моего спутника, погруженного в размышления.

— Сюда, Ватсон! — наконец, проговорил он. — Оставим на минуту вопрос о том, кто убил Джона Стрэкера, и постараемся узнать, что случилось с лошадей. Предположим, что она убежала во время драмы или после нее; куда же она делась? Лошадь, вообще, животное стадное. Предоставленный самому себе, «Сильвер-Блэз» инстинктивно вернулся бы в Кингс-Пайлэнд или отправился бы в Кэпльтон; с какой стати он стал бы носиться по болоту? Если бы это случилось, то, наверно, кто-нибудь уже встретил бы его. А зачем цыгане стали бы ловить его? Эти люди всегда стараются улизнуть, когда услышат о каком-нибудь происшествии: очень уж они не любят иметь дело с полицией. Рассчитывать продать такую лошадь они не могли. Риск был бы слишком большой, а кража не принесла бы им никакой пользы. Все это совершенно ясно.

— Но где же тогда лошадь?

— Я уже сказал, что она убежала или в Кингс-Пайлэнд, или в Кэпльтон. Она не в Кингс-Пайлэнде — следовательно, в Кэпльтоне. Примем эту гипотезу и посмотрим, что выйдет. Эта часть торфяника, как говорил инспектор, очень твердая и сухая. Но по направлению к Кэпльтону торфяник понижается, и отсюда можно видеть большую ложбину, в которой, должно быть, было очень сыро в понедельник ночью. Если наше предположение верно, лошадь должна была проскакать через эту ложбину, и там мы и должны искать ее следов.

Во время этого разговора мы быстро шли вперед и через несколько минут были у ложбины. По просьбе Холмса я пошел по правому ее краю, он же по левому; но не успел я сделать и пятидесяти шагов, как услышал громкий крик и увидел, что он машет мне рукой. След лошади ясно отпечатался на мягкой земле перед ним, а подкова, которую Холмс вынул из кармана, пришлась как раз по отпечатку.

— Видите, что значит воображение, — сказал Холмс. — Этого-то качества только и не достаёт Грегори. Мы вообразили себе, что могло бы произойти, действовали согласно нашему предположению и оказались правы. Будем продолжать.

Мы перешли через болотистую ложбину и прошли около четверти мили по твердому, сухому торфянику. Потом местность снова стала понижаться, и снова мы увидели следы,

потеряли их на протяжении полумили и нашли опять уже у самого Кэпльтона. Холмс первый увидел их и указал мне с выражением торжества на лице. След мужской ноги виднелся рядом с лошадиным следом.

— Лошадь сначала была одна! — вскрикнул я.

— Совершенно верно. Сначала она была одна. Ого! Это что?

Двойной след делал резкий поворот и направлялся к Кингс-Пайлэнду. Холмс свистнул. И мы оба пошли по следу. Холмс шел, не спуская глаз со следа; я же случайно взглянул в сторону и с удивлением заметил, что те же следы шли и в обратном направлении.

— Чудесно, Ватсон, — сказал Холмс, когда я указал ему эти следы, — вы избавили нас от длинной прогулки, которая привела бы нас обратно к своим собственным следам.

Нам не пришлось идти далеко. Следы оканчивались у асфальтовой дорожки, которая вела к кэпльтонским конюшням. Навстречу нам выбежал грум.

— Мы не позволяем бродягам шлаться здесь, — сказал он.

— Я хотел только спросить кое-что, — сказал Холмс, запуская указательный и большой пальцы в карман жилета. — Не будет слишком рано, если я зайду завтра в пять часов утра, чтобы повидать вашего хозяина, мистера Сайлэса Броуна?

— Господь с вами, сэр; уж кто-кто, а он-то всегда будет, когда надо, потому что встает раньше всех. Но вот и он сам, сэр, и ответит на ваш вопрос. Нет, сэр, нет; он прогонит меня, если увидит, что я взял деньги. После, если вам угодно.

В ту минуту, как Шерлок Холмс положил обратно в карман вынутую им полкрану, из ворот вышел пожилой господин свирепого вида, с хлыстом в руке.

— Это что такое, Даусон? — крикнул он. — Что за болтовня! Ступай за дело! А вы... какого чорта вам здесь надо?

— Надо поговорить с вами минут десять, любезный сэр, — ответил Холмс самым ласковым тоном.

— Некогда мне разговаривать со всякими бродягами. Убирайтесь, а не то спущу собаку.

Холмс наклонился и шепнул что-то на ухо тренеру. Тот сильно вздрогнул и вспыхнул до ушей.

— Это ложь! — крикнул он. — Дьявольская ложь!

— Отлично! Станем мы обсуждать это здесь, при всех, или переговорим у вас в доме?

— О, войдите, если желаете.

Холмс улыбнулся.

— Я задержу вас только на несколько минут, Ватсон, — сказал он. — Ну-с, я к вашим услугам, м-р Броун.

Прошло минут двадцать, и румяная заря перешла в серые сумерки, когда Холмс и тренер вышли из дома. Никогда не случалось мне видеть, чтобы человек мог так измениться за это короткое время, как Сайлэс Броун. Лицо его было смертельно бледно; на лбу стояли капли пота, а руки тряслись так, что хлыст колыхался, как ветка по ветру. Вся его дерзость и заносчивость исчезли, и он покорно шел рядом с моим товарищем, словно собака с хозяином.

— Ваши указание будут исполнены. Все будет исполнено, — говорил он.

— Чтоб не было ошибки, — сказал Холмс, оглядываясь на него. Броун вздрогнул, прочтя угрозу в его глазах.

— О, нет, ошибки не будет. Все будет, как следует. Сделать изменение заранее или нет?

Холмс задумался на одно мгновение и потом громко расхохотался.

— Нет, не делайте изменений. Я напишу вам об этом. Смотрите, без плутовства или...

— О, вы можете поверить мне, поверить вполне.

— Берегите, как свою собственность.

— Можете положиться на меня.

— Да, думаю, что могу. Ну, завтра я извещу вас.

Он повернулся на каблуках, не обратив внимание на протянутую ему дрожащую руку, и мы отправились назад в Кингс-Пайлэнд.

— Мне редко приходилось встречать такое соединение заносчивости, трусости и низости, как в мистере Сайлэсе Броуне, — заметил Холмс дорогой.

— Так лошадь у него?

— Он попробовал было отрицать это, но, я так подробно описал ему все его действие в то утро, что он убежден, что я следил за ним. Вы, конечно, заметили особую четырехугольную форму носков сапог на следе? Его сапоги как раз подошли к этим следам. К тому ни один из его подчиненных не осмелился бы сделать подобной штуки. Я описал ему, как он, по обыкновению встав раньше всех, увидел чужую лошадь, бродившей по торфу, как он подошел к ней и изумился, узнав по белому пятну на лбу лошади, от которого она получила свое название¹, что случай отдает в его власть единственного коня, могущего побить того, на которого он поставил свои деньги. Потом я описал ему, как первым его порывом было отвести лошадь в Кингс-Пайлэнд, как дьявол внушил ему скрыть лошадь до окончания скачек, как он провел ее обратно и спрятал в Кэпльтоне. Когда я подробно рассказал ему это, он перестал запыряться и стал думать только о спасении своей шкуры.

— Но ведь его конюшни были обысканы?

— О, у такого старого барышника всегда найдется укромное местечко.

— А вы не боитесь оставить лошадь у него? Ведь ему выгодно искалечить ее.

— Милый мой, он будет беречь ее, как зеницу ока. Он знает, что единственная его надежда на помилование — это сохранить лошадь в полной безопасности.

— Полковник Росс произвел на меня впечатление вообще человека, не склонного миловать.

— Дело касается не одного только полковника Росса. Я следую моему методу и говорю только то, что считаю нужным. В том-то и выгода моего неофициального положения. Не знаю, заметили ли вы, Ватсон, что полковник отнесся ко мне несколько свысока. Вот я и хочу немного позабавиться на его счет. Не говорите ему ничего о лошади.

— Конечно, не скажу без вашего позволения.

— И, само собой разумеется, это неважный вопрос в сравнении с тем, кто убил Джона Стрэкера.

— Теперь вы займетесь этим делом?

— Напротив, сегодня вечером мы уедем в Лондон.

Я был совершенно поражен этими словами моего друга. Мы пробыли только несколько часов в Дэвоншире, и мне казалось непонятным, почему он бросает поиски, начавшиеся таким блестящим образом. Но я не добился от него ни единого слова, пока мы не вернулись в дом тренера. Полковник и инспектор ожидали нас в гостиной.

— Мой друг и я возвращаемся в Лондон с экспрессом, отходящим в двенадцать часов ночи, — сказал Холмс. — Приятно было подышать чудным воздухом Дартмура.

Инспектор широко раскрыл глаза, а у полковника мелькнула на губах насмешливая улыбка.

— Итак, вы потеряли всякую надежду захватить убийцу бедного Стрэкера, — сказал он,

Холмс пожал плечами.

— Действительно, встретилось много серьезных препятствий, — сказал он. — Однако я твердо надеюсь, что ваша лошадь будет скакать во вторник, и прошу вас держать жокея наготове. Нет ли у вас фотографической карточки м-ра Джона Стрэкера?

Инспектор вынул из кармана конверт, взял из него фотографическую карточку и подал ее Холмсу.

— Вы предупреждаете все мои желания, дорогой Грегори. Могу я попросить вас

¹ Silver-Blaze — серебристое сияние.

подождать одну минуту, пока я поговорю со служанкой.

— Должен признаться, я несколько разочаровался в нашем лондонском консультанте, — резко сказал полковник Росс, когда мой друг вышел из комнаты. — Мы ни на шаг не подвинулись со времени его приезда.

— По крайней мере, вы имеете обещание, что ваша лошадь будет скакать во вторник.

— Да, обещание-то я имею, но предпочел бы иметь лошадь, — сказал полковник, пожимая плечами.

Я только что собирался возразить что-нибудь в защиту моего друга, как он сам вошел в комнату.

— Ну-с, джентльмены, я готов отправиться в Тэвисток, — сказал он.

Когда мы садились в экипаж, один из конюхов держал дверцу. Очевидно, Холмсу пришла какая-то внезапная мысль, он наклонился и дотронулся до рукава конюха.

— У вас в загоне есть овцы; кто смотрит за ними?

— Я, сэр.

— Не случилось ли с ними чего-нибудь особенного за это время?

— Ничего особенного, сэр; только три из них охромели в последние дни.

Я видел, что Холмс был очень доволен этим известием: он посмеивался и потирал руки.

— Попал в цель, Ватсон, прямо в цель! — сказал он, ущипнув меня за руку. — Грегори, советую вам обратить внимание на эту странную эпидемию у овец. Поезжай, кучер!

По выражению лица полковника Росса было ясно видно, что он, по-прежнему, невысокого мнения об искусстве моего друга; зато по лицу инспектора я заметил, что внимание его было сильно возбуждено.

— Вы считаете это важным обстоятельством? — спросил он.

— Чрезвычайно важным.

— Нет ли еще чего-нибудь, на что вы желали бы обратить мое внимание?

— На странное поведение собаки ночью.

— Она ничего не делала.

— Вот это-то и странно, — заметил Шерлок Холмс.

Через четыре дня мы с Холмсом снова ехали на поезде в Винчестер, где должны были состояться скачки на Уэссекский приз. Полковник ожидал нас, как было условлено, у станции, и мы поехали в его экипаже за город, на место скачек. Лицо полковника было серьезно и обращение чрезвычайно холодно.

— Я не видел своей лошади, — сказал он.

— Я надеюсь, вы узнаете ее, когда увидите? — спросил Холмс.

Полковник сильно рассердился.

— Двадцать лет я постоянно бываю на скачках, и никто не предлагал мне подобного вопроса, — сказал он. — Ребенок может узнать «Сильвер-Блэза» по белому пятну на лбу и по крапинкам на передней ноге.

— Как пари?

— Тут происходит что-то странное. Вчера можно было получить пятнадцать на один, но затем ставки стали все уменьшаться и уменьшаться и теперь еле ставят три на один.

— Гм! — проговорил Холмс. — Очевидно, кто-то что-то знает.

Когда экипаж въехал в ограду, я взглянул на программу скачек.

«Уэссекский приз. — 1000 соверенов, с подписными 50 соверенов с каждой для лошадей четырех и пяти лет. 2-й лошади — 300 фунтов. 3-й — 200 фунтов. Дистанция одна миля пять восьмых.

1. «Негро», владелец м-р Хиз Ньютон (красный картуз, коричневый камзол).

2. «Педжелист», владелец полковник Уардлесу (розовый картуз, черный камзол).

3. «Десборо», владелец лорд Бэкуатэр (желтый картуз, рукава того же цвета).

4. «Сильвер-Блэз», владелец полковник Росс (черный картуз, красный

камзол).

5. «Ирис», владелец герцог Бальмораль (картуз и камзол полосатые, желтого и черного цвета).

6. «Рэспер», владелец лорд Сингльфорд (пурпуровый картуз, черные рукава)».

— Мы положились на ваши слова и сняли нашу вторую лошадь, — сказал полковник. — Что это? «Сильвер-Блэз» фаворит?

— Пять на четыре против «Сильвер-Блэза»! — ревела толпа. — Пять на четыре против «Сильвер-Блэза»! Пятнадцать на пять против «Десборо»!

— Лошади в полном составе, — заметил я. — Все шесть налицо!

— Все шесть на лицо? Так моя лошадь скачет? — кричал полковник в сильном волнении. — Но я не вижу ее. Моих цветов не проезжало.

— Проехало только пять. Вот, должно быть, она.

В эту минуту из загородки, где находились весы, появилась великолепная гнедая лошадь и прошла мимо нас легким галопом. На ней сидел жокей в хорошо всем известных цветах полковника — красном и черном.

— Это не моя лошадь! — закричал владелец, — у этой нет на теле ни одной белой отметины. Что вы сделали, мистер Холмс?

— Хорошо, хорошо, посмотрим, как она будет скакать, — невозмутимо сказал мой друг.

Несколько минут он смотрел в мой бинокль.

— Великолепно! Превосходный старт! — вдруг вскрикнул он. — Вот они показываются из-за поворота!

Из нашего экипажа прекрасно было видно всех лошадей; они все шли так близко друг к другу, что их, казалось, можно было бы покрыть одной попоной, но на половине круга желтый цвет кэпльтонской конюшни выдвинулся вперед. Однако, прежде чем лошади поравнялись с нами, «Десборо» отстал, а лошадь полковника сразу подалась вперед и была у столба на шесть корпусов впереди своего соперника, «Ирис» герцога Бальморалья пришла плохой третьей.

— Без сомнения, это моя лошадь, — задыхаясь и проводя рукой по глазам, проговорил полковник. — Признаюсь, ничего тут не понимаю. Не пора ли открыть вашу тайну, мистер Холмс?

— Да, пора, полковник. Вы все узнаете. Пойдемте все вместе взглянуть на лошадь. Вот она, — продолжал он, когда мы вошли в ограду для взвешивания, куда допускались только владельцы и их знакомые. — Вам стоит только вымыть ей винным спиртом голову и ноги и вы убедитесь, что это — ваш «Сильвер-Блэз».

— Не могу прийти в себя от изумления.

— Я нашел лошадь у одного барышника и осмелился взять ее как раз в ту минуту, когда ее хотели спровадить.

— Дорогой сэръ, вы сделали чудеса. Лошадь совершенно здорова и в полном порядке. Тысячу извинений за то, что позволил себе усумниться в вашем искусстве. Вы оказали мне большую услугу, возвратив мне лошадь, и окажете еще большую, если найдете убийцу Джона Стрэкера.

— Я уже нашел его, — спокойно сказал Холмс.

Полковник и я с изумлением взглянули на него.

— Нашли убийцу? Где же он?

— Здесь.

— Здесь? Где?

— Стоит в настоящую минуту возле меня.

Румянец гнева вспыхнул на щеках полковника.

— Я вполне сознаю, что многим обязан вам, мистер Холмс, — сказал он, — но не могу принять ваши слова иначе, как за плохую шутку или за оскорбление.

Шерлок Холмс расхохотался.

— Уверяю вас, полковник, что не считаю вас причастным преступлению, — проговорил он. — Настоящий убийца стоит за вами!

Он отошел в сторону и положил руку на блестящую шею породистого скакуна.

— Лошадь! — вскрикнули мы с полковником в один голос.

— Да, лошадь. Ее вина уменьшается, если я скажу вам, что она сделала это, защищая себя, и что Джон Стрэкер был человек, совершенно недостойный вашего доверия. Но вот звонок, а так как у меня есть маленькое пари, то отложу подробное объяснение до более удобного случая.

Вечером мы снова сидели в купэ поезда, мчавшегося в Лондон, и я думаю, что путешествие показалось полковнику Россу таким же коротким, как мне: так интересно было слушать рассказ моего друга о том, что произошло в дартмурских конюшнях в понедельник ночью и как ему удалось узнать все подробности этого происшествия.

— Сознаюсь, что все выводы, составленные мною на основании газетных известий, оказались вполне ошибочными, — сказал он. — А, между тем, там были данные, которые могли бы служить указаниями, если бы их истинное значение не было загромождено другими подробностями. Я поехал в Дэвоншир с убеждением в виновности Фицроя Симпсона, хотя, конечно, видел, что против него не собрано достаточных улик.

Только тогда, когда мы уже подъезжали к дому тренера, в голове моей внезапно возникла мысль о важном значении баранины с перцем. Вы, может быть, помните, что я был очень рассеян и остался в экипаже, когда вы все уже вышли. Я удивлялся про себя, как это я проглядел такое важное обстоятельство.

— Признаюсь, я до сих пор не вижу его важности, — сказал полковник.

— Это было первое звено в цепи моих рассуждений. Опиум в порошке не безвкусен. Вкус не неприятен, но заметен. Если подсыпать его в какое-нибудь обыкновенное кушанье, но тот, кто стал бы есть это кушанье, наверное, заметил бы примесь и бросил бы есть. Перец — именно та приправа, которая может заглушить вкус опиума. Никаким образом нельзя предположить, чтобы посторонний человек, как Фицрой Симпсон, мог бы устроить так, чтобы в этот день ужин в доме тренера состоял из баранины с приправой из перца, и тем более невозможно предположение, чтобы этот человек явился с порошком опиума как раз в тот вечер, когда подавалось кушанье, способное скрыть эту примесь. Этого нельзя допустить. Итак, Симпсон устраняется от дела, и все наше внимание сосредоточивается на Стрэкере и его жене, — единственных людях, которые могли заказать на ужин баранину с перцем. Опиум применен после того, как была отложена порция для конюха, остававшегося на конюшне, так как остальные ели ужин безо всяких дурных последствий. Кто же из Стрэкеров мог дотронуться до еды так, чтобы этого не заметила служанка?

Прежде чем решить этот вопрос, я обратил внимание на молчание собаки — одно верное предположение неизменно вызывает другое. Случай с Симпсоном указывал на то, что в конюшне была собака, а между тем, несмотря на то, что кто-то входил туда и увел лошадь, собака не лаяла достаточно громко для того, чтобы разбудить спавших на сеновале конюхов. Очевидно, ночной посетитель был хорошо знаком ей.

Я был уже убежден, или почти убежден, что Джон Стрэкер вошел ночью в конюшню и увел «Сильвер-Блэза». Зачем? очевидно, с каким-то злым умыслом, иначе зачем бы он опоил своего конюха? Но я никак не мог понять причины его поступка. Бывали случаи, что тренеры зарабатывали большие деньги, держа пари против своих лошадей и, обманным образом, не давая им выигрывать. Иногда они действуют через жокея; иногда употребляют более верные и тонкие средства. Что было тут? Я надеялся, что вещи, найденные в кармане Стрэкера, помогут мне прийти к какому-нибудь заключению, и не ошибся в этом.

Вы, вероятно, не забыли странного ножика, найденного в руке покойника, ножика, которого, конечно, ни один человек в здравом уме не взял бы для самозащиты. Как сказал нам доктор Ватсон, этот нож употребляется при самых тонких операциях, известных

хирургии. И в эту ночь он также предназначался для очень тонкой операции. Как знатоку скакового дела, вам, полковник, наверно известно, что можно сделать легкий порез сухожилия на бедре лошади так искусно, что снаружи ничего не будет заметно. В таком случае лошадь начинает слегка прихрамывать, что приписывается или переутомлению, или приступу ревматизма, но никогда не злему умыслу.

— Мошенник! Негодяй! — крикнул полковник.

— Этим и объясняется, почему Джон Стрэкер хотел увести лошадь из конюшни. При малейшем уколе такое чувствительное животное заржало бы так, что разбудило бы спавших крепким сном конюхов. Поэтому необходимо было произвести операцию на открытом воздухе.

— Как я был слеп! — сказал полковник. — Так вот для чего ему нужна была свечка и почему он зажигал спичку.

— Без сомнения. Но при осмотре его вещей мне посчастливилось открыть не только способ совершения преступления, но и его мотивы. Как человеку светскому, вам известно, полковник, что люди не носят у себя в карманах чужих счетов. Большинству из нас еле под силу справиться и со своими. Я сразу понял, что Стрэкер жил двойной жизнью и имел посторонние связи. По счету ясно было видно, что существует какая-то дама, не любящая стесняться средствами. Несмотря на всю вашу щедрость к вашим служащим, едва ли возможно предположить, чтобы они могли покупать своим женам туалеты в двести гиней. Я расспросил, незаметно для нее, м-с Стрэкер насчет платья, на которое был представлен счет, и, убедившись, что у нее никогда не было подобного костюма, заметил адрес портнихи, чувствуя, что помощью фотографической карточки Стрэкера мне легко будет доказать мифическое происхождение мистера Дербишайра.

Далее все очень просто. Стрэкер повел лошадь в яму, откуда не был бы виден свет. Симпсон, когда бежал, потерял галстук, а Стрэкер поднял его, быть может, думая привязать лошадь за ногу. Очутившись в яме, Стрэкер стал позади лошади и занес свечу; но лошадь, испуганная внезапным светом и почувствовав свойственным животным инстинктом что-то недоброе, вырвалась и попала стальным копытом как раз в лоб Стрэкеру. Несмотря на то, что шел дождь, он, приготовляясь к операции, снял плащ, и при падении нож вонзился ему в бедро. Достаточно ли это ясно?

— Удивительно! — вскрикнул полковник. — Удивительно! Как будто вы присутствовали при всем этом.

— Должен признаться, что трудно было додуматься до последнего моего вывода. Мне пришло на мысль, что такой предусмотрительный человек, как Стрэкер, не предпринял бы такой тонкой операции, как порез сухожилия, без предварительной практики. На чем он мог практиковаться? Мой взгляд случайно упал на овец, и я предложил вопрос, ответ на который, к собственному моему удивлению, подтвердил мое предположение.

— Вы вполне уяснили все, м-р Холмс.

— Вернувшись в Лондон, я отправился к портнихе, которая сразу признала Стрэкера, как прекрасного заказчика по фамилии Дэрбишайра, и сказала, что жена у него красавица, любящая дорогие наряды. Я не сомневаюсь, что из-за этой женщины он совершенно запутался в долгах и дошел до этой гнусной проделки.

— Вы объяснили все, кроме одного, — сказал полковник. — Где же была лошадь?

— Она бродила по болоту, и ее приютил один из ваших соседей. Мне кажется, мы должны дать амнистию в этом случае. Если не ошибаюсь, это Клэпгем, и мы будем на станции «Виктория» минут через десять. Если вам угодно выкурить сигару у нас, полковник, я буду рад сообщить вам все дальнейшие подробности, которые могут интересовать вас.

В характере моего друга Шерлока Холмса меня всегда поражала одна аномалия: самый аккуратный и методический человек во всем, что касалось умственных занятий, аккуратный и даже, до известной степени, изысканный в одежде, он был одним из тех безалаберных людей, которые способны свести с ума того, кто живет в одной квартире с ними. Я сам не могу считать себя безупречным в этом отношении, так как жизнь в Афганистане развила мою природную склонность к бродячей жизни сильнее, чем приличествует медику. Но все-таки моей неаккуратности есть границы, и когда я вижу, что человек держит сигары в корзине для углей, табак — в носке персидской туфли, а письма, на которые не дано еще ответа, прикалывает ножом в самую середину деревянной обшивки камина, то начинаю считать себя добродетельным человеком. Я, например, всегда думал, что стрельба из пистолета — занятие, которому следует предаваться на открытом воздухе, а Холмс, иногда, когда на него находит странное расположение духа, сидит себе, бывало, в своем кресле и выпускает дробинки в стенку, что, конечно, не служило ни к украшению комнаты, ни к очищению ее атмосферы. Наши комнаты всегда бывали полны разными химическими снарядами и вещественными доказательствами, которые часто попадали в совсем неподходящие места и оказывались то в масленке, то там, где их еще менее можно было ожидать. Но самый мой тяжелый крест составляли бумаги Холмса. Он терпеть не мог уничтожать документы, особенно имевшие отношение к делам, в которых он принимал участие, а между тем разобрать их у него хватало энергии только раз в год, а иногда и в два. Как я уже упоминал в моих заметках, набросанных без всякой связи, за вспышками страшной энергии, во время которых он занимался делами, давшими ему известность, наступала реакция, когда он лежал целыми днями на софе, погруженный в чтение и игру на скрипке, и поднимаясь только для того, чтобы перейти к столу. Таким образом, бумаги накопились месяц за месяцем, и все углы комнаты бывали набиты связками рукописей, которых нельзя было ни сжечь, ни убрать без их владельца.

В один зимний вечер, когда мы сидели у камина и он только что кончил вписывать краткие заметки в свою записную книгу, я решился предложить ему употребить следующие два часа на приведение нашей комнаты в более жилой вид. Холмс не мог отрицать справедливости моей просьбы, а потому отправился с плачевным лицом в свою спальню и вскоре вышел оттуда, таща за собой большой жестяной ящик. Он поставил его посреди комнаты и, тяжело опустившись на стул перед ним, открыл крышку. Я увидел, что ящик наполнен до трети связками бумаг, перевязанных красными тесьмами в отдельные пакеты.

— Много тут дел, Ватсон, — проговорил он, смотря на меня лукавым взглядом. — Я думаю, если бы вы знали, что лежит у меня в этом ящике, вы попросили бы меня вынуть отсюда некоторые бумаги, вместо того, чтоб укладывать новые.

— Это, вероятно, заметки о ваших ранних работах, — спросил я. — Мне часто хотелось познакомиться с ними.

— Да, мой мальчик, все это дела, совершенные до появления возвеличившего меня биографа.

Нежным, ласковым движением он вынимал одну связку за другою.

— Не все здесь успехи, Ватсон, — сказал он, — но есть и хорошенькие задачки. Вот воспоминания о Тарльтонском убийстве, о деле винторговца Вамбери, о приключении старухи русской, о странном деле алюминиевого костыля, полный отчет о кривоногом Риколетти и его ужасной жене. А вот — ага! — это, действительно, нечто выдающееся.

Он опустил руку на самое дно ящика и вытащил маленький деревянный ящичек с выдвигающейся крышкой, в роде тех, в которых держат детские игрушки. Оттуда он вынул клочок смятой бумаги, старинный медный ключ, деревянный колышек с привязанным к нему клубком веревок и три ржавых металлических кружка.

— Ну-с, мой милый, какого вы мнения насчет этого? — спросил он, улыбаясь выражению моего лица.

— Любопытная коллекция.

— Очень любопытная, а связанная с ними история и того любопытнее.

— Так у этих реликвий есть своя история?

— Они сами история.

— Что вы хотите сказать этим?

Шерлок Холмс вынул все вещи одна за другой и разложил их на столе. Потом он сел на стул и окинул их довольным взглядом.

— Вот все, что осталось у меня, как воспоминание о «Мёсгрэвском обряде», — сказал он.

Я не раз слышал, как он упоминал об этом деле, но не знал его подробностей.

— Как бы я был рад, если бы вы рассказали мне все подробно, — сказал я.

— И оставил бы весь этот хлам неубранным? — с злорадством проговорил Холмс. — А где же ваша хваленая аккуратность, Ватсон? Впрочем, я буду очень рад, если вы внесете этот случай в ваши записки; в нем есть некоторые пункты, делающие его единственным в уголовной хронике не только нашей, но, я думаю, и всякой другой страны. Коллекция достигнутых мною пустячных успехов не была бы полна без отчета об этом странном деле.

Вы, может быть, помните, как дело «Глории Скотт» и мой разговор с несчастным человеком, судьбу которого я рассказал вам, впервые обратили мое внимание на профессию, ставшую делом моей жизни. Вы видите меня теперь, когда мое имя приобрело широкую известность и когда общество и официальная власть признают меня высшей инстанцией в сомнительных случаях. Даже тогда, когда вы только что познакомились со мной и описали одно из моих дел под названием «Этюд алой краской», у меня уже была большая, хотя не особенно прибыльная, практика. Поэтому вы и представить себе не можете, как было мне трудно пробиться в жизни.

Когда я приехал в Лондон, я поселился в улице Монтэгю, как раз у Британского музея. Тут я жил несколько времени, наполняя свои многочисленные часы досуга изучением тех отраслей науки, которые могли понадобиться мне. По временам наворачивались дела, главным образом, по рекомендации товарищей-студентов, так как в последние годы моего пребывания в университете там много говорили обо мне и о моем методе. Третье из этих дел было дело о «Мёсгрэвском обряде», которому я обязан первым шагом к моему теперешнему положению, благодаря возбужденному им интересу и важным последствиям.

Реджинальд Мёсгрэв воспитывался в одном колледже со мной, и я был несколько знаком с ним. Товарищи не особенно любили его, считая гордецом, хотя мне лично всегда казалось, что гордость его была напускная и за ней скрывалась робость и неуверенность в своих силах. Наружность его была чисто аристократическая: тонкий, прямой нос, большие глаза, небрежные и, вместе с тем, изящные манеры. И действительно, он был отпрыском одной из древнейших фамилий королевства, хотя и по младшей ветви, отделившейся от северных Мёсгрэвов в шестнадцатом столетии и поселившейся в восточном Суссексе, где замок Хёрлстон является, быть может, древнейшим из всех обитаемых жилищ графства. На молодом человеке как будто лежал отпечаток его родины, и всякий раз, что я глядел на его бледное, умное лицо, на постав его головы, перед моими глазами восставали потемневшие своды, решетчатые окна и все особенности феодального жилища. Иногда нам приходилось разговаривать друг с другом, и я помню, что он всегда выказывал живейший интерес к моему способу исследований и выводов.

Четыре года я не видел его, как вдруг в одно прекрасное утро он вошел в мою комнату на улице Монтэгю. Он мало изменился, одет был по моде — он всегда был франтом — и сохранил спокойные, изящные манеры, которыми отличался прежде.

— Как поживаете, Мёсгрэв? — спросил я, обменявшись с ним дружеским рукопожатием.

— Вы, вероятно, слышали о смерти моего бедного отца? — сказал он. — Он умер около двух лет тому назад. С тех пор мне, само собой разумеется, пришлось взять на себя управление хёрлстонским имением, а так как я вместе с тем депутат от своего округа, то дела у меня много. Вы же, Холмс, как я слышал, стали применять на практике те способности,

которым мы так удивлялись в былое время.

— Да, — ответил я, — я пустил мои способности в дело.

— Очень приятно слышать это, так как ваш совет драгоценен для меня в настоящее время. У нас в Хёрлстоне случились очень странные вещи, а полиции не удалось ничего выяснить. Дело, действительно, самое необыкновенное и необъяснимое.

Можете себе представить, с каким интересом я слушал его, Ватсон. Наконец-то перед мной был тот случай, которого я тщетно ожидал в продолжение долгих месяцев бездействия. В глубине души я был уверен, что могу иметь успех там, где других постигла неудача. Теперь мне представляется случай испытать себя.

— Сообщите мне, пожалуйста, все подробности! — вскрикнул я.

Реджинальд Мёсгрэв сел против меня и закурил папиросу, которую я предложил ему.

— Надо вам сказать, — начал он, — что хотя я и холост, но мне приходится держать в Хёрлстоне значительное количество прислуги, так как это — старинное поместье, требующее большого присмотра. Кроме того, во время охоты на фазанов у меня обыкновенно гостят знакомые, так что нельзя обойтись малым числом прислуги. Всего у меня восемь служанок, повар, дворецкий, два лакея и мальчик. Для сада и для конюшен, понятно, есть отдельные слуги.

Изо всей этой прислуги дольше всех у нас в доме жил Брэнтон, дворецкий. В молодости он был учителем, но остался без места, и отец взял его к себе. Это человек очень энергичный, сильного характера и скоро сделался незаменимым в нашем доме. Он был высок, красив собой, с великолепным лбом, и, хотя служил у нас двадцать лет, теперь ему не более сорока лет. Удивительно, что при подобной наружности и выдающихся способностях — он говорит на нескольких языках и играет чуть ли не на всех инструментах удивительно, говорю я, что он так долго довольствовался занимаемым им положением. Впрочем, я думаю, что ему жилось спокойно, и у него не хватало энергии для какой либо перемены. Херлстонского дворецкого помнят все, кто гостил у нас.

Но у этого совершенства был, однако, один недостаток. Он несколько дон-жуан, и вы, конечно, можете себе представить, что такому человеку было не трудно разыгрывать эту роль в спокойном деревенском уголке.

Пока Брэнтон был женат, все шло хорошо, но с тех пор, как овдовел, он доставлял нам много хлопот. Несколько месяцев тому назад мы надеялись было, что он остепенится, так как сделал предложение Рочель Хоуэльс, нашей второй горничной; но вскоре он бросил ее и стал ухаживать за Джэнет Треджелис, дочерью главного ловчего. Рочель, — очень хорошая девушка, но вспыльчивая и впечатлительная, как истая уроженка Уэльса, — захворала острым воспалением мозга и теперь бродит по дому, или, по крайней мере, бродила до вчерашнего дня, как черноглазая тень той девушки, какой была прежде.

Это — первая наша драма в Хёрлстоне, но вторая заставила нас забыть о ней. Этой второй драме предшествовало позорное изгнание дворецкого Брэнтона.

Вот как это случилось. Я уже говорил, что это был умный человек. Ум и погубил его, возбудив в нем ненасытное любопытство относительно вещей, совершенно его не касавшихся. Я ничего не подозревал, пока неожиданный случай не открыл мне глаз.

Однажды ночью на прошлой неделе — именно в четверг — я никак не мог заснуть, выпив, по глупости, после обеда чашку крепкого черного кофе. Пробившись кое-как до двух часов ночи и потеряв всякую надежду, я встал и зажег свечу, намереваясь продолжать чтение романа, который я начал днем. Книга осталась в бильярдной, а потому я надел халат и отправился за ней.

Чтобы попасть в бильярдную, мне надо было спуститься с лестницы и затем пройти через коридор, который ведет в библиотеку и комнату, где хранится оружие. Можете себе представить мое изумление, когда, заглянув в коридор, я увидел свет, выходящий через отворенную дверь библиотеки. Я сам погасил там лампу и запер дверь, когда пошел спать. Естественно, что первой моей мыслью было, что в дом забрались воры. Коридоры Херлстона в изобилии украшены всякого рода старым оружием. Я схватил первую попавшую секиру,

поставил свечу сзади себя, пробрался на цыпочках по коридору и заглянул в открытую дверь.

В библиотеке оказался дворецкий Брэнтон. Он сидел в кресле, держа на коленях какую-то бумагу, похожую на карту или план. Он наклонился над ней, очевидно, в глубоком раздумье. Я остолбенел от изумления и молча наблюдал за ним, стоя в темноте. При слабом свете маленького огарка, стоявшего на краю стола, я разглядел, что Брэнтон вполне одет. Вдруг он встал с кресла, подошел к бюро, стоявшему в стороне, отпер его и выдвинул один из ящиков. Оттуда он вынул какую-то бумагу; затем, вернувшись на место, положил ее на стол рядом с огарком и стал разглядывать с величайшим вниманием. Негодование охватило меня при виде невозмутимого спокойствия, с которым он рассматривал наши фамильные документы. Я невольно сделал шаг вперед. Брэнтон поднял голову и увидел, что я стою в дверях. Он вскочил на ноги с мертвенно-бледным лицом и сунул за пазуху похожую на карту бумагу, которую он так внимательно изучал.

— Так вот как вы оправдываете доверие, которое мы оказывали вам? — сказал я. — Завтра вы оставите вашу службу.

Он поклонился с видом совершенно уничтоженного человека и, молча, проскользнул мимо меня. Огарок был еще на столе, и при свете его я взглянул на бумагу, которую Брэнтон вынул из бюро. К моему изумлению, это оказалось вовсе не важным документом, а не чем иным, как копией вопросов и ответов, употребляющихся при странном старинном обычае, называемом «Мёсгрэвским обрядом». Это — вид особой церемонии, составляющей особенность нашего рода в течение многих веков и совершаемой каждым Мёсгрэвом при достижении совершеннолетия. Этот обряд имеет частное значение и может быть интересен разве только для археолога, как наши гербы и девизы. Практической же пользы из него не извлечь.

— Мы лучше после поговорим об этой бумаге, — заметил я.

— Если вы считаете это необходимым, — несколько колеблясь, ответил Мёсгрэв. — Итак, буду продолжать свое показание. Я запер бюро ключем, оставленным Брэнтоном, и только что повернулся, чтоб выйти из комнаты, как с изумлением заметил, что дворецкий вернулся и стоял передо мной.

— Мистер Мёсгрэв, сэр! — вскрикнул он хриплым, взволнованным голосом. — Я не могу перенести бесчестия. Я всегда был горд не по положению, и бесчестие убьет меня. Кровь моя падет на вашу голову, сэр, если вы доведете меня до отчаяния. Если вы не можете оставить меня у себя после того, что случилось, то, ради Бога, дайте мне месяц срока, как будто я сам отказался и уйду по своей доброй воле. Это я могу перенести, мистер Мёсгрэв, но мне не перенести, если вы выгоните меня из дома на глазах всех, кого я так хорошо знаю.

— Вы не заслуживаете снисхождения, Брэнтон, — ответил я. — Ваше поведение в высшей степени неблагоприятно, но так как вы долго служили в нашей семье, я не хочу порочить вас публично. Однако месяц — это слишком долгий срок. Уезжайте через неделю под каким угодно предлогом.

— Через неделю, сэр! — закричал он в отчаянии. — Хоть две недели... дайте мне, по крайней мере, две недели...

— Неделю! повторил я. — И то это еще слишком снисходительно.

Он медленно вышел из комнаты, опустив голову на грудь, как нравственно убитый человек, а я загасил свечу и вернулся к себе в комнату.

В продолжение двух дней после этого случая Брэнтон исполнял свои обязанности особенно тщательно. Я не намекал на прошедшее и с некоторым любопытством ожидал, как ему удастся скрыть свой позор. Но на третье утро он не пришел ко мне, как обыкновенно, за приказаниями на этот день. Выходя из столовой, я случайно встретил горничную Рочель Хоуэльс. Я говорил вам, что она только что оправилась от болезни и теперь была так страшно бледна и худая, что я побранил ее, зачем она работает.

— Вам следовало бы лежать в постели, — сказал я, — за работу же приметесь, когда выздоровеете.

Она взглянула на меня с таким странным выражением, что у меня в голове мелькнула мысль, не сошла ли она с ума.

— Я уже достаточно окрепла, мистер Мёсгрэв, — сказала она.

— Посмотрим, что скажет доктор, — ответил я. — Теперь же оставьте всякую работу и когда пойдете вниз, скажите Брентону, что мне нужно его видеть.

— Дворецкий пропал, — сказала она.

— Пропал! Как пропал?

— Пропал. Никто не видел его. В его комнате его нет. О! он уехал... уехал...

Она прислонилась к стене и разразилась громкими криками и резким хохотом. Испуганный этим внезапным истерическим припадком, я бросился к звонку, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. Девушку, продолжавшую рыдать и хохотать, отнесли в ее комнату, а я справился о Брентоне. Не оставалось ни малейшего сомнения, что он исчез. Постель его оказалась не тронутой; никто его не видел после того, как он ушел вечером к себе в комнату. Трудно было, однако, догадаться, как он мог выйти из дому, так как все окна и двери утром были найдены запертыми. Платье, часы и даже деньги Брентона оказались в комнате; не доставало только черной пары, которую он обыкновенно носил. Не было также туфель, но сапоги оказались налицо. Куда же мог дворецкий Брентон уйти ночью и что с ним случилось!

Конечно, мы обыскали весь дом с чердака до подвала, но нигде не нашли Брентона. Дом, как я уже говорил, представляет собою целый лабиринт, особенно первоначальная постройка, в которой, собственно, теперь никто не живет; однако мы обыскали каждую комнату, каждую каморку и не нашли и следа пропавшего. Мне казалось невероятным, чтобы он мог уйти, оставив все свое имущество, а, между тем, где же он мог быть? Я призвал местную полицию, но из этого ничего не вышло. Накануне ночью шел дождь, мы осмотрели лужайку и аллеи вокруг дома, но понапрасну. Таково было положение дела, когда новое обстоятельство совершенно отвлекло наше внимание от первоначальной тайны.

Два дня Рочель Хоуэльс была так больна, что пришлось на ночь приставить к ней сиделку. Она то лежала в забытии, то впадала в истерику. На третью ночь после исчезновения Брентона сиделка, видя, что больная заснула спокойно, сама задремала в кресле. Когда она проснулась рано утром, то увидела, что кровать пуста, окно открыто, а больной и следа нет. Меня тотчас же разбудили. Я взял с собой двух лакеев и отправился искать пропавшую девушку. Не трудно было определить направление, по которому она пошла. Под окном ясно были видны следы, которые шли через лужайку к пруду, где они исчезали у песчаной дорожки, ведущей из имения. Пруд в этом месте имеет 8 футов глубины, и вы можете себе представить, что мы почувствовали, когда увидели, что след несчастной девушки вел прямо к краю пруда.

Мы сейчас же вооружились баграми и принялись за поиски тела, но ничего не нашли. Но зато мы вытащили совершенно уж неожиданный предмет. Холщевый мешок с массой заржавленного, потерявшего цвет металла и тусклыми кусочками кремня или стекла. Эта странная находка была все, что нам удалось выловить из озера, и, несмотря на все поиски и расспросы, мы так ничего и не знаем о судьбе Рочели Хоуэльс и Ричарда Брентона. Местная полиция просто и приложить ума не может, и я пришел к вам, как к последнему убежищу.

Можете себе представить, Ватсон, с каким интересом я выслушал это необычайное стечение обстоятельств, как я пытался сопоставить их и найти общую связь между ними.

Исчез дворецкий. Исчезла горничная. Девушка любила дворецкого, но потом имела причину возненавидеть его. Она уроженка Уэльса — страстная, необузданная. Известно, что немедленно после исчезновения Брентона она была в страшно возбужденном состоянии. Она бросила в пруд мешок с какими-то странными предметами. Все это факторы, которые следовало принять во внимание, но они не объясняли сути дела. Где исходная точка этой цепи событий? Только конец запутанной цепи лежал передо мною.

— Мне нужно взглянуть на бумаги, которые так заинтересовали вашего дворецкого, что он рискнул потерять место, — сказал я.

— В сущности, этот наш обряд — довольно большая нелепость, — ответил Мёсгрэв, —

извинительная только благодаря своему старинному происхождению. Копия ответов и вопросов у меня с собой, так что можете взглянуть на нее, если желаете.

Он подал мне бумагу, которую я держу в руках в настоящую минуту. Вот тот ряд странных вопросов, на которые должен был давать такие же странные ответы каждый из Мёсгрэвов при достижении совершеннолетия. Я прочту вам ответы и вопросы:

«— Чье оно было?

— Того, кого нет.

— Чье оно будет?

— Того, кто будет позже.

— В каком это было месяце?

— В шестом, считая с первого.

— Где было солнце?

— Над дубом.

— Где лежала тень?

— Под вязом.

— Сколько сделано шагов?

— К северу десять и десять; к западу пять и пять; к югу два и два; к востоку один и один и потом вниз.

— Что мы должны отдать за это?

— Все, что наше.

— Почему мы должны отдать это?

— Из-за доверия».

— На оригинале нет числа, но, судя по орфографии, он относится к половине семнадцатого столетия, — заметил Мёсгрэв. — Боюсь, что этот документ мало поможет вам в раскрытии тайны.

— Зато он представляет собою другую тайну, и еще более интересную, чем первая, — сказал я. — Может быть, раскрытие одной из них повлечет за собой раскрытие другой. Извините меня, Мёсгрэв, но должен сказать, что ваш дворецкий кажется мне очень умным человеком и более проникательным, чем десять поколений его господ.

— Я не понимаю вас, — ответил Мёсгрэв. — Бумага, по моему мнению, не имеет никакого практического значения.

— А по-моему, она имеет огромное значение, и мне кажется, что Брэнтон разделял мой взгляд. Вероятно, он видел ее раньше той ночи, когда вы поймали его.

— Очень возможно. Мы не скрывали этого.

— Насколько я понимаю, в ту ночь, когда вы застали его, он просто хотел освежить документ в своей памяти. Вы говорили, что у него в руках была карта или план, который он сличал с рукописью и который спрятал в карман при вашем появлении.

— Это верно. Но какое могло ему быть дело до нашего старинного обычая и что может означать вся эта галиматья?

— Мне кажется, что нам не трудно будет узнать это, — сказал я. — Если позволите, мы отправимся с первым поездом в Суссекс и на месте поближе познакомимся с этим делом.

В тот же день, под вечер, мы уже были в Хёрлстоне. Может быть, вам приходилось видеть изображение знаменитого старинного здания или читать описания его, а потому я ограничусь только упоминанием, что оно имеет форму |-, причем более длинная линия представляет собой новую часть постройки, а короткая — ядро, из которого развилось все остальное. Над низкой входной дверью в центре старого здания в камне высечено «1607» год, но знатоки, судя по характеру деревянной и каменной отделки, считают, что дом построен гораздо раньше этого времени. Поразительно толстые стены и крошечные окна этой части здания побудили обитателей его выстроить в прошлом столетии новое крыло, а старый дом служит теперь кладовой и погребом, и то только в случае необходимости. Великолепный парк из вековых деревьев окружает все здание, а пруд, о котором упоминал мой клиент, лежит в конце аллеи, ярдах в двухстах от дома.

У меня, Ватсон, уже не было сомнения в том, что во всем этом деле была только одна тайна, а не три. Я был убежден, что если бы мне только удалось понять значение «Мёсгрэвского обряда», то в руках у меня оказалась бы путеводная нить, которая привела бы меня к открытию истины о дворцеком Брентоне и горничной Хоуэльс. Поэтому-то я и решил приложить все свои старания к тому, чтоб узнать, почему Брентон стремился изучить старинную формулу. Очевидно, потому, что заметил то, что ускользнуло от внимания целого ряда поколений помещиков и что обещало ему какие-то личные выгоды. Что же это было и как оно повлияло на его судьбу?

При чтении «обряда» мне стало вполне ясно, что измерения относятся к какому-нибудь месту, о котором упоминается в документе, и что если бы нам удалось найти это место, мы напали бы на след тайны, которую предки Мёсгрэвов нашли нужным облечь в такую странную форму. Для начала нам были даны два проводника — дуб и вяз. Что касается дуба, то найти его было очень легко. Прямо перед домом, по левую сторону дороги, ведущей к подъезду, стоял патриарх между дубами — одно из великолепнейших деревьев, каких мне когда либо доводилось видеть.

— Существовал этот дуб во время составления вашего «обряда»? — спросил я, когда мы проезжали мимо.

— Он стоял здесь, вероятно, во время завоевания Англии норманнами, — ответил Месгрэв. — Он имеет 23 фута в обхвате.

Итак, одно из моих предположений оказывалось верным.

— Есть у вас старые вязы? — спросил я.

— Вот там стоял очень старый вяз, но десять лет тому назад его разбило молнией, и мы спилили его ствол.

— Вы можете найти это место, где стояло это дерево?

— О, да.

— Других вязов нет?

— Старых нет, но много молодых.

— Мне бы хотелось видеть место, где рос этот вяз.

Мы приехали в шарабане, и мой клиент тотчас же, не заходя в дом, повел меня на опушку лужайки, где стоял прежде вяз — почти на половине пути между дубом и домом. Мои исследования, по-видимому, шли успешно.

— Я полагаю, невозможно определить высоту этого вяза? — спросил я.

— Могу сразу ответить на этот вопрос. Он был высотой в 64 фута.

— Каким образом вы знаете это? — с удивлением спросил я.

— Когда мой старый учитель давал мне, бывало, задачу по тригонометрии, то она всегда касалась измерения вершин. Мальчиком я измерил каждое дерево и каждое строение в нашем поместье.

Это была совершенно неожиданная удача. У меня уже оказывалось больше данных, чем я мог ожидать за такое короткое время.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я, — ваш дворецкий не предлагал вам никогда подобного вопроса?

Реджинальд Мёсгрэв с изумлением взглянул на меня.

— Теперь, когда вы напомнили об этом, я действительно припоминаю, что Брентон спрашивал меня несколько месяцев тому назад о высоте этого дерева. Они с грумом поспорили из-за этого.

Можете себе представить, Ватсон, как приятно мне было слышать эти слова. Ведь таким образом оказывалось, что я на верном пути. Я взглянул на солнце. Оно стояло низко на небе, и я рассчитал, что менее чем через час оно будет стоять как раз над вершиной старого дуба. Тогда было бы исполнено одно из условий, упомянутых в «обряде». А тень от вяза должна была означать крайнюю точку тени, иначе говорилось бы о тени от ствола. Значит, мне следовало определить, куда падет конец тени от вяза, когда солнце станет как раз над дубом.

— Ведь это же трудно было сделать, Холмс, когда вяза уже не существовало.

— Я знал только одно: если Брэнтон мог сделать это, то могу и я. К тому же это было вовсе не так трудно. Я пошел с Мёсгрэвом в его кабинет и сделал колышек из дерева, к которому привязал длинную веревку с узлом на каждом ярде. Затем я взял удочку в шесть футов и пошел со своим клиентом к тому месту, где прежде стоял вяз. Солнце как раз освещало вершину дуба. Я воткнул колышек в землю, наметил направление тени и измерил ее. Она оказалась длиною в 9 футов.

Теперь нужно сделать самое пустяшное вычисление. Если удочка в шесть футов отбрасывает тень в 9 фут., то дерево в 64 фут. высоты дает тень в 96 фут., а направление обоих должно быть, понятно, одинаковое. Я вымерил расстояние и дошел почти к стене дома, где я воткнул в землю свой колышек. Можете себе представить мой восторг, Ватсон, когда в двух дюймах от этого места я увидел в земле воронкообразное углубление. Я понял, что это отметка, сделанная Брэнтоном при его измерениях, и что, следовательно, я иду по его следам.

Я начал отсчитывать шаги от этой точки, определив предварительно страны света с помощью компаса. Десять шагов, сделанные каждой ногой, пришлось параллельно стене дома. Тут я опять отметил колышком точку, на которой остановился. Затем я тщательно отмерил пять шагов к востоку и два к югу и очутился прямо у порога старого дома. Два шага к западу означали, что мне следовало сделать два шага по выложенному плитам коридору — и я стоял на месте, указанном «обрядом».

Никогда в жизни не приходилось мне испытывать такого сильного разочарования, Ватсон. Одно мгновение мне казалось, что в мои вычисления вкралась какая-то основная ошибка. Лучи заходящего солнца падали прямо на коридор, и я ясно видел, что старые, вытопанные камни, которыми они были вымощены, плотно спаяны цементом и не сдвигались с места уже много лет. Брэнтон не дотрогивался до них. Я постучал по полу, но звук везде был одинаков, и нигде не было заметно ни трещины, ни пробоины. К счастью Мёсгрэв, который понял смысл моих поступков и волновался не менее меня, вынул рукопись, чтобы проверить мои вычисления.

— И вниз! — закричал он, — Вы пропустили «и вниз»!

Я думал, что эти слова означали, что нам придется рыть землю, но теперь увидел, что ошибся в своих предположениях.

— Так там есть подвал? — крикнул я.

— Да, такой же старый, как и дом. Сюда, через эту дверь.

Мы спустились по витой каменной лестнице, и мой товарищ, чиркнув спичку, зажег большой фонарь, стоявший на боченке в углу. В ту же минуту мы убедились, что попали в настоящее место и что кто-то побывал тут раньше нас.

Подвал служил складом для дров, но поленья, очевидно, прежде покрывавшие весь пол, теперь были сложены по сторонам так, что посередине образовался свободный проход. В этом проходе лежала большая тяжелая плита с заржавленным железным кольцом посередине, к которому был привязан толстый шерстяной шарф.

— Клянусь Юпитером! — вскрикнул Мёсгрэв, — это шарф Брэнтона. Я видел его на нем и готов поклясться в этом. Что делал тут этот негодяй?

По моему предложению вызвали двух полицейских, и, в их присутствии, я попытался поднять плиту, таща за шарф. Я мог только слегка приподнять ее и только с помощью одного из констэблей мне удалось отодвинуть ее в сторону. Перед нами зияла глубокая черная яма. Мы все смотрели в нее. Мёсгрэв стал на колени и опустил фонарь.

Перед нами открылось темное помещение около семи футов в глубину и футов четырех в квадрате. У одной стены его стоял низкий деревянный сундук, окованный медью, с поднятой крышкой, в которой торчал ключ странной старинной формы. Снаружи ящик был покрыт толстым слоем пыли, а сырость и черви проели дерево, на котором виднелись кучки грибов. Несколько металлических кружков, по-видимому, старинных монет — вот таких, какие вы видите у меня в руке — валялось на дне сундука, но больше там ничего не было.

Но в это время мы совершенно забыли и думать о сундуке: наши взоры приковались к тому, что мы увидели рядом с ним. То была фигура человека, одетого в черный костюм, сидевшего на корточках, положив голову на край сундука и охватив его обеими руками. От такой позы вся кровь прилила ему к голове, и никто не мог бы узнать черт этого искаженного, посиневшего лица; но когда мы приподняли тело, то мистер Мёсгрэв по росту, одежде и волосам признал в нем своего бывшего дворецкого. Брэнтон умер уже несколько дней тому назад, но на теле не было заметно ни раны, ни какого либо повреждения, которые могли бы указать причину его страшной смерти. Тело вынесли из погребца, а мы снова остались перед загадкой, почти такой же ужасной, как та, с которой мы встретились впервые.

Признаюсь, Ватсон, что я начал сомневаться в успехе моих розысков, я думал, что разрешу загадку, как только найду место, указанное в «обряде». Но вот я стоял на этом месте и, по-видимому, был так же далек, как прежде, от решения, что скрывалось так тщательно семьей Мёсгрэвов. Правда, что я пролил свет на судьбу Брэнтона, но теперь следовало установить, каким образом эта судьба постигла его и какую роль играла во всей этой истории исчезнувшая женщина. Я присел на боченок в углу и стал обдумывать все, что случилось.

Вы знаете, Ватсон, мой метод: в подобного рода случаях я ставлю себя на место данного человека и, выяснив себе предварительно степень его развития, пробую представить, как бы я действовал на его месте. В данном случае дело облегчалось тем, что Брэнтон был, без сомнения, человек недюжинного ума. Он знал, что дело идет о какой-то драгоценности. Он нашел место. Он увидел, что плита, закрывающая вход в подвал, слишком тяжела для того, чтобы ее мог сдвинуть один человек. Что же ему оставалось делать? Он не мог получить помощи от посторонних. Даже в том случае, если бы ему удалось найти кого-нибудь, кто согласился бы помочь ему и кому бы он мог вполне довериться, ему угрожала опасность попасться, когда ему пришлось бы впустить своего сообщника. Лучше было найти себе помощника в доме. Но кого? К кому мог он обратиться? Эта девушка любила его. Мужчине всегда трудно представить себе, что он окончательно лишился любви женщины, как бы дурно он ни поступил с ней. Вероятно, Брэнтон снова полюбезничал с Хоуэлс, чтобы помириться с ней, а затем сделать ее своей сообщницей. Они, должно быть, вместе пришли ночью в погреб и соединенными силами подняли плиту. До этой минуты их действия так ясно представлялись мне, как будто я сам присутствовал при них.

Однако, поднять плиту было делом трудным для двух лиц, из которых, к тому же, одна была женщина. Нелегко это было и для нас — дюжего суссекского полицейского и меня. Что же они могли выдумать, чтобы помочь себе? Вероятно, то же, что сделал бы я сам. Я встал и внимательно осмотрел разбросанные по полу поленья и почти сразу убедился в основательности моего предположения. На одном полене, длиной около 3 футов, явственно виднелась выемка, а несколько других были сплющены с боков, как будто сжатые какою-то тяжестью. Очевидно, приподняв плиту, они стали совать одно полено за другим, пока не образовалось отверстие настолько большое, что они могли пролезть в него; тогда они положили одно полено вдоль отверстия; этим и объясняется выемка на его нижнем конце, так как плита придавливала его своей тяжестью к противоположному краю щели. До сих пор все было ясно для меня.

Теперь каким образом восстановить ночную драму? Очевидно, в яму спустился только один человек, и именно Брэнтон. Девушка должна была ожидать его наверху. Брэнтон отпер сундук и, надо полагать, передал найденные им вещи сообщнице, так как в сундуке вещей не оказалось. А потом? Что случилось потом?

Вспыхнула ли ярким огнем жажда мести, тлевшая в душе страстной кельтской женщины, когда она увидела в своей власти человека, сделавшего ей зло... может быть, большее, чем подозревали окружающие. Случайно ли подались поленья и плита закрыла вход в подвал, который стал могилой Брэнтона? Или резким движением руки она отбросила опору, и плита рухнула на свое место? Как бы то ни было, мне казалось, что я вижу лицо женщины, судорожно сжимающей найденное сокровище и в безумном ужасе бегущей по

винтовой лестнице, между тем как в ее ушах раздавались снизу глухие крики и яростные удары в плиту заживо погребенного неверного любовника.

Итак, вот тайна ее бледности, ее нервного состояния и истерического хохота на следующее утро. Но что же было в сундуке? Куда она девала вещи? Вероятно, то были обломки металла и кремней, вытащенные из озера моим клиентом. Она бросила их при первом удобном случае, чтобы скрыть последние следы своего преступления.

Минут двадцать я просидел, не двигаясь, обдумывая происшедшее. Мёсгрэв, весь бледный, продолжал стоять на прежнем месте, раскачивая фонарь и смотря вниз в яму.

— Это монеты Карла I, — сказал он, взяв несколько кружков, оставшихся в сундуке. — Вы видите, мы верно определили время учреждения «обряда».

— Может быть, мы найдем еще что-нибудь, оставшееся от Карла I, — вскрикнул я. Внезапно мне показалось, что я понял значение двух первых вопросов «обряда». — Дайте мне взглянуть на вещи в мешке, который вы вытащили из пруда.

Мы пошли в кабинет, и он разложил перед мной обломки. Я понял, почему он не придал им никакого значения: металл был почти черный, а камни тусклые и бесцветные. Я потерял один из них о рукав, и он засверкал у меня на ладони, словно искра. Одна из металлических вещей имела вид двойного кольца, но сильно поломанного, так, что оно потеряло свою первоначальную форму.

— Вам не мешает припомнить, что королевская партия существовала в Англии и после смерти короля, а когда его приверженцам пришлось, наконец, бежать из страны, они, вероятно, спрятали куда-нибудь многие из своих драгоценностей, намереваясь вернуться за ними в более мирные времена.

— Мой предок, сэр Ральф Мёсгрэв, был ярим приверженцем Карла II и сопровождал короля во всех его скитаниях, — сказал мой друг.

— А, в самом деле! — заметил я. — Ну, это обстоятельство доставляет последнее, недостающее нам звено. Я должен поздравить вас со вступлением в обладание (хотя и очень трагическим образом) реликвии, имеющей большую ценность, но еще большее историческое значение.

— Что же это такое? — задыхаясь от изумления, проговорил он.

— Не более, не менее, как древняя корона английских королей.

— Корона!

— Именно. Обратите внимание на слова «обряда». Что там говорится? «Чье оно было». — «Того, кого нет». Это после казни Карла. Затем: «Чье оно будет». — «Того, кто будет позже». Это говорилось о Карле II, восшествие на престол которого предвиделось заранее. По-моему, не может быть сомнения в том, что это изломанная, потерявшая всякую форму диадема украшала некогда головы королей из дома Стюартов.

— А как она попала в пруд?

— Это вопрос, для ответа на который потребуется несколько времени, — и я изложил ему всю длинную цепь предположений и доказательств, развитую мною. Уже стемнело и луна ярко сияла на небе, прежде чем я окончил свой рассказ.

— Как же случилось, что Карл не получил своей короны обратно, когда вернулся? — спросил Мёсгрэв, кладя корону в холщевой мешок.

— Ах, это вопрос, который, вероятно, никогда не будет выяснен вполне. По-видимому, ваш предок, знавший эту тайну, умер, не объяснив почему-то своему потомку значения оставленного им документа. С того времени и до сих пор документ переходил от отца к сыну, пока, наконец, не попал в руки человека, сумевшего понять тайну и потерявшего жизнь при попытке добыть спрятанное сокровище.

Вот история «Мёсгрэвского обряда», Ватсон. Корона и до сих пор в Хёрлстоне, хотя владельцам пришлось иметь дело с судом и уплатить значительную сумму денег для того, чтобы оставить ее у себя. Я уверен, что, если вы упомянете мое имя, они покажут вам эту корону. Об исчезнувшей девушке никто ничего не слыхал; вероятно, она бежала из Англии и унесла воспоминания о своем преступлении в далекие края.